

Дальнее — близкое — эпизод 26 из 31

Может быть, это было и хорошо, что наш угрюмый вожак не дал «досмотреть». В памяти осталась недопроявленная картина, где смешались краски заката, всхолмленность местности, скрашенная расстоянием пестрота домов и причудливая рама верх-исетского пруда. На меня этот пруд тогда произвел такое впечатление, как будто я увидел его впервые, хотя не раз с Мишей ходил с удочками далеко по берегу, в том числе на Большой и Малый конный. Так назывались два мыса в юго-восточной части пруда, где в летнюю пору пасли лошадей. Точнее, выпускали на кормежку с закованными в железо передними ногами «для сохранности от воров». С этого места я имел возможность видеть ближний остров Баран, но он ничем меня тогда не привлекал. Наоборот, это даже усилило мои возражения в споре с Мишей, который «задавался своими островами».

— Подумаешь! Пустырь и пустырь! Нисколечко не интересно!

Но когда посмотрел на пруд с вышки колокольни, острова неудержимо потянули меня. На нашем заводском пруду их не было, а тут и дальние и ближние, и все они с колокольни казались красивыми.

— Хоть бы на ближнем побывать!

У Еремеевых была лодка, которая считалась дедушкиной. Даже взрослые не имели права пользоваться «без дедушкина слова». Обойтись без этого «слова» было нельзя, потому что с ним передавался и ключ от замка, которым была замкнута цепь у «причала» — огромной коряжины с вбитыми в нее пробоями. Одному Мише лодка не доверялась, а когда он указал на меня, как товарища, Гаврило Фадеич сказал:

— У двоих и баловства вдвое.

И, как мы ни упрашивали, старик уперся на своем:

— Нельзя.

Помог, вернее, подвел нас рыбный пирог. В этом году старшему брату Миши исполнился двадцать один год, и в ноябре он должен был явиться на призывной участок. По такому случаю решил справить именины «по-хорошему», то есть с приглашением родных и близких знакомых. Дедушка

две ночи кряду ездил с мережами и очень удачно. Именины пришлось на воскресный день. Зная, что будут гости, я с утра не пошел к Мише, но он сам прибежал за мной:

— Пойдем! Дедушка за рыбным пирогом подвыпил. Сговорим его!

Я не стал возражать, и мы побежали. В избе было шумно. Гаврило Фадеич сидел на крыльце с каким-то незнакомым мне стариком. На просьбу Миши о лодке Гаврило Фадеич сначала ответил решительным отказом.

— Сколько раз говорить, нельзя!

Но у нас оказался неожиданный союзник, старик, сидевший рядом с Фадеичем. Узнав, что мы просим лодку, он проговорил:

— А я своему даю. В какую хошь погоду. Такой же, как вот эти. Беспрекословно даю. Пускай приучается.

Гаврило Фадеич посмотрел на небо, вытащил из кармана заветный ключ и, подавая Мише, проговорил:

— Ладно уж, потешьтесь для братовых именин. Только больше чтоб никого не брать и засветло домой! Весла берите, которые полегче.

У лодок, рассчитанных для «ботанья и лученья», где человеку приходится работать стоя, главным качеством считается устойчивость, но легкостью хода такие лодки не отличаются.

Мы сначала решили ехать на Дальние острова, но скоро убедились, что и расстояние до Барана нелегко одолеть двум десятилеткам. Оба были в поту, набили мозоли на руках, когда приплыли, наконец, к этому острову. Тут решили сделать остановку.

Пристали с восточной стороны. Лодку, сколько могли, вытащили на берег, поспорили друг с другом о количестве и качестве своих мозолей и для передышки занялись игрой. Оба мы читали «Робинзона», поэтому без раздумья решили играть «в Робинзона на необитаемом острове». Вид заводских труб, плотины, церквей и домов Верх-Исетска, конечно, мешал представлению острова необитаемым, поэтому мы перекочевали на западную сторону Барана, откуда виден лишь дальний бор. Редкие лодки катающихся и рыбаков мы старались не замечать. При организации игры возникло немало спорных вопросов. Прежде всего надо было решить, кому быть Робинзоном, кому — Пятницей. Решили этот вопрос жеребьевкой. Дальше вышло серьезное затруднение в способе, как выразить готовность Пятницы во всем слушаться

Робинзона. Один уверял, что Робинзон должен поставить ногу на спину Пятницы, а другой говорил — на плечо, что казалось просто невозможным. Дальше возник еще более трудный вопрос: что делать на необитаемом острове? Припомнили, что прежде всего надо развести «огонь без спичек». Островок был безлесным. В расщелинах камней только изредка встречались карликовые березки. Нашли все-таки сухих прутиков и стали их тереть один о другой, но они лишь чуть теплели, а огня не было. Хотели соорудить из таких прутиков сверло, но не было шнура. Миша сообразил, что можно заменить шнурок гайтаном с креста, но нужна была еще планка с отверстием в середине. В нашем же распоряжении был один инструмент — мой перочинный ножик, у которого маленькое перо вихлялось, а большое было наполовину подломленным.